

Воспользовавшись тем, что стража Ханьцзина отвлеклась на ту сторону, женщина, что была ранее, нашла в себе неведомые силы, встала и бросилась в город.

Стражник у ворот громко прикрикнул, веля другим задержать её.

Женщина, не обращая внимания, рванула вперёд и сумела опрокинуть двух высоких стражников.

Ошеломлённые, остальные стражники инстинктивно обнажили мечи.

Начальник охраны ворот лишь хотел задержать людей снаружи, не желая никого убивать. Увидев, что женщина вот-вот наткнётся на клинки, он грозно закричал, приказывая убрать оружие.

К счастью, в следующий момент чьи-то руки отвели женщину в сторону от лезвий, а затем вложили меч в ножны.

Начальник охраны узнал поясную табличку Пэй Чоу, понял, что тот из Цензората, и поспешил выпрямиться, отдав почтительный поклон:

— Приветствую, ваша честь.

Пэй Чоу ещё не успел заговорить, как женщина, услышав, что эти чиновники называют его вашей честью, с грохотом упала перед ним на колени и принялась усердно бить лбом о землю.

— Ваша честь, господин чиновник! Умоляю вас, спасите нас! На родине случилось наводнение, затопило мой дом, погубило мужа и детей! Я шла сюда, обращаясь во все управы и ведомства, но ни одна уездная управа не пожелала помочь! Говорят, в Ханьцзине живёт император, живут важные сановники, которые управляют всеми делами в Поднебесной! Умоляю вас, я умоляю вас! Спасите меня!

Рыдания женщины были столь горькими, а в её словах столь полно раскрывались все ужасы, пережитые в пути, что у молодых стражников уже навернулись слёзы на глазах.

Пэй Чоу взял её за руки, полностью игнорируя грязь, и помог подняться.

Он сказал:

— Не торопитесь, говорите медленнее. Здесь Ханьцзин, никто не оставит вас без внимания.

Женщина замерла, судорожно сжала его руки и, сквозь застилавшие глаза слёзы, кивнула.

Пэй Чоу усадил её у подножия городской стены и, будучи занят, послал того самого растроганного молодого генерала купить еды. Тот помчался сломя голову.

Пэй Чоу достал носовой платок, вытер женщине руки, а вскоре генерал вернулся с едой — в основном, с мясными паровыми булочками и клейкими пирожками.

Женщина уже не обращала внимания на Пэй Чоу, схватила еду и принялась жадно уплетать.

Беженцы за городскими стенами всё это время наблюдали за происходящим. Увидев, что женщину не только не схватили, но и дали поесть и попить, они с покрасневшими глазами подняли крик и хлынули к воротам.

Начальник охраны поспешно скомандовал задержать их и отправил молодого генерала за подкреплением, бросив взгляд на Пэй Чоу — недовольный, но беспомощный.

Эти чиновники лишь думают о том, как бы проявить милость и показать свою добродетель, а страдают те, кто внизу выполняет чёрную работу.

Пэй Чоу понаблюдал некоторое время, затем неспешно подошёл.

Начальник охраны тут же предупредил:

— Ваша честь, не подходите! Эти беженцы, долго голодавшие, способны на что угодно!

Пэй Чоу сделал вид, что не слышит, и, остановившись перед неистовствующей толпой беженцев, отделённый от них лишь рядом стражников, возвысил голос:

— Я могу позволить вам войти.

Начальник охраны усомнился, не ослышался ли он.

Движения беженцев слегка замедлились, они смотрели на него с тревогой и недоверием.

Пэй Чоу продолжил:

— Я могу позволить вам войти. Но здесь, у ног Сына Неба, в месте, где законы и железные правила Даюаня соблюдаются строже всего, необходимо следовать порядку. Вы противостоите печально известной своей грубостью и жестокостью страже Ханьцзина. Они, задерживая людей, никогда не церемонятся. Если попадёте в тюрьму, вам будет в сотни раз хуже, чем сейчас.

Стражники у ворот переглянулись: неужели у стражи Ханьцзина теперь такая дурная слава?

Беженцы, видя его осанку и слыша эти слова, поёжились. Один более высокий мужчина, подумав, выпрямился и выкрикнул:

— П-почему мы должны тебе верить!

Пэй Чоу узнал в нём того отца, что ранее выкапывал корни, слегка повернул голову и действительно увидел рядом с ним маленькую девочку.

Отец, заметив взгляд Пэй Чоу, настороженно прикрыл девочку собой.

Пэй Чоу снял поясную табличку и, подняв её, показал им:

— Я — левый помощник верховного цензора Цензората Пэй Чоу. Если у вас есть обиды, вы можете изложить их мне. После того как я доложу верховному цензору и он представит доклад наверх, Священный император вынесет решение.

Начальник охраны не выдержал, отвёл Пэй Чоу в сторону и тихо сказал:

— Ваша честь, хорошенько подумайте. Эти беженцы неизвестно откуда пришли, у них нет пропусков. По закону они не могут войти в Ханьцзин.

Пэй Чоу ответил:

— Его Величество, переживая за жителей пострадавших районов, извёл себя до изнеможения, уже несколько дней не смыкает глаз. Если бы он увидел эту картину, как вы думаете, он бы их прогнал или сначала наказал бы вас за сокрытие доклада?

Если бы Пэй Чоу не появился, начальник охраны действительно собирался замять это дело, прогнать людей и сделать вид, что ничего не произошло.

Он сглотнул и добавил:

— Этот низший чиновник может их впустить. Но... куда разместить этих беженцев до вашего возвращения?

Тут Пэй Чоу столкнулся с трудностью.

Он сделал несколько шагов, боковым зрением заметив, как та женщина разговаривает с одним человеком, и на её лице промелькнула радость.

Пэй Чоу только удивился, как мужчина обернулся, посмотрел на него с сияющим от счастья лицом и воскликнул:

— Господин Пэй!

Пэй Чоу...

А, это тот, который говорил, что я могу унести двухсоткилограммовую свинью.

В итоге Пэй Чоу разместил беженцев в домиках у крепостного рва. В тех нескольких десятках домиков и так жили приезжие. После расспросов выяснилось, что среди беженцев немало их земляков. Услышав, что на родине случилось наводнение, они покраснели от волнения, поспешили принять сельчан, а затем стали готовить еду.

Пэй Чоу как раз давал указания начальнику охраны, как вдруг почувствовал, как кто-то дёрнул его за полу одеяния. Он опустил взгляд и увидел маленькую девочку, которая смотрела на него большими блестящими глазами.

Пэй Чоу присел на корточки.

Девочка протянула к нему маленький кулачок. Пэй Чоу раскрыл ладонь и принял — это была конфета, завёрнутая в белую бумагу.

Детским голоском она сказала:

— Большой брат, спасибо! Держи конфетку!

Эту конфету дала одна женщина из домиков. Девочка не стала её есть, а приберегла для Пэй Чоу.

Тёплая большая рука погладила её по голове, и она услышала, как голос этого человека слегка охрип, произнося:

— Это мне следует благодарить тебя.

Наводнения в Цзинчжоу и Хэнъяне уже начали давать первые результаты. Лишь в Цзянчэне все спущенные туда серебро и рабочая сила не дали отклика, пришёл лишь доклад от уездного

начальника Цзянчэна, в котором говорилось, что наводнение в Цзянчэне остановлено, а народ при поддержке властей начал восстанавливаться.

Из трёх мест именно Цзянчэн находился дальше всего от Ханьцзина. Цзянчэн не мог сравниться богатством с Линнанем, и водные пути там не столь сложны, как в Цзинчжоу. Другими словами, он не пользовался особым вниманием со стороны двора.

Император Цзинфэн разглядел в этом неладное, но пока не предпринимал действий.

Пока Пэй Чоу не сообщил ему, что в Ханьцзине внезапно хлынул большой поток беженцев из Цзянчэна, и подробно изложил все трудности, с которыми они столкнулись, обращаясь к властям по пути.

Шесть министерств и три палаты вновь собрались на срочное ночное совещание.

Глубокой ночью верховный цензор прибыл в резиденцию Пэй Чоу с императорским указом Цзинфэна.

— Воля нынешнего императора такова: ты отправишься со мной в Цзянчэн.

Накануне отъезда из столицы Пэй Чоу, после долгого перерыва, увидел сон.

Во сне он, казалось, вернулся в общежитие своей прошлой жизни. В этом университете аспирантские комнаты были одноместными, поэтому у Пэй Чоу, естественно, не было соседей.

Всё перед глазами, казалось, было таким же, как до того, как он попал в книгу.

Пэй Чоу выключил компьютер, в растерянности вышел из комнаты — в коридоре не было ни души.

Он медленно вышел из здания общежития и лишь тогда заметил, что уже стемнело.

Он обернулся и взглянул назад: в общежитии горел яркий свет, было светло как днём.

Никого нет, а свет включен? Разве его печально известный своей скупостью университет когда-либо был так щедр?

Пока он стоял в недоумении, внезапно услышал, как кто-то зовёт его.

Затаив дыхание, он прислушался некоторое время. Казалось, этот человек звал... Цзинлюэ?

Он пошёл на голос, прошёл мимо спортивной площадки, мимо искусственного озера, дошёл до библиотеки, и перед ним оказалась стена.

Он в недоумении поднял голову и увидел на стене сидящего человека. Тот, казалось, был в хорошем настроении, расслабленно сидел, одна нога согнута на стене, другая просто свисала, постоянно покачиваясь.

Увидев его, человек повернулся и посмотрел на него.

Но его лицо было скрыто пеленой тумана, и Пэй Чоу никак не мог разглядеть его.

Пэй Чоу услышал его смех, казалось, он ещё и поманил рукой, сказав:

— Цзинлюэ, Цзинлюэ...

Он звал Пэй Чоу по второму имени, бесконечно повторяя, с бесконечной нежностью.

Он сказал:

— Цзинлюэ, иди ко мне, иди ко мне...

Пэй Чоу невольно протянул к нему руку.

В момент, когда их пальцы вот-вот должны были соприкоснуться, Пэй Чоу открыл глаза.

* * *

Когда страна переживает трудности, весь Ханьцзин урезает расходы, естественно, Пэй Чоу и его спутники также отправились налегке, без лишнего.

Вдвоём они наняли повозку, плюс один стражник в качестве возницы — всего три человека — и скромно выехали из Ханьцзина в Цзянчэн.

Путь из Ханьцзина в Цзянчэн лежит на запад, занимает примерно пять дней.

Пэй Чоу и стражник сменяли друг друга, управляя лошадьми, двигались днём и ночью, сменили по дороге трёх коней и сократили путь до двух с половиной дней.

<http://bllate.org/book/15464/1368203>